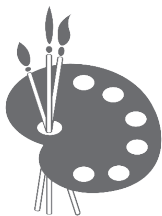

Глава 1

Я поправляю нелепую юбку с рюшами и короткий белый топ под фартуком. Вздыхаю, но ничего не могу поделать — униформа требует жертв.

А лучше бы требовала полицию моды.

— Заказ готов, — кричат с кухни, и я бегу, чтобы отнести его за десятый столик.

Песок под ногами раскалился до предела, но я уже не обращаю внимания — привыкла за два месяца работы в пляжном кафе. И даже в какой-то мере наслаждаюсь тем, как жар пронизывает все тело от стоп до самой макушки.

— Прошу, приятного аппетита и чудесного отдыха, — желаю гостям, красиво расставив все блюда на деревянном столике, который расположен у береговой линии.

Парни, сделавшие заказ, как на подбор — все красавчики. Высокие, загорелые, подтянутые. В аляпистых рубашках и свободных шортах. Один из них привлекает мое внимание тем, что похож на старого знакомого, но я быстро отвожу взгляд, прижимаю к груди поднос и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Даже если это и вправду Гром, вряд ли он оценит попытку заговорить с ним. Иначе не избегал бы меня почти два года, делая вид, что мы незнакомы.

— Ника? — прилетает в спину рокочущий бас.

Я до рези в глазах хочу остановиться и обернуться, потому что соскучилась, но...

Мысленно посылаю Олега к черту и стремительно уношу ноги. И только оказавшись внутри кафе, сделанного в карибском стиле, позволяю себе на мгновение остановиться и перевести дух.

— Вероника, прими заказ у второго столика, — топчит меня админ, намекая, что скоро вечер и сейчас не самое подходящее время, чтобы расслабляться.

Смена обычно длится до полуночи, так что я работаю не покладая рук до самого закрытия.

К десятому столику я больше не подходила — они ничего не заказывали и просили их не беспокоить. А когда все же набралась смелости проверить, оказалось мне или нет, обнаружила пустой стол и пару крупных купюр под одним из пивных бокалов.

Ну, хотя бы щедрые чаевые оставили...

Возможно, это и к лучшему. Скорей всего, мне просто солнце голову напекло, а знакомый голос, произносящий мое имя, — послышался.

Конец рабочего дня я не люблю больше всего. Вместо того чтобы выдохнуть, переодеться и уйти домой, приходится относить всю грязную посуду обратно на кухню, а после усердно драить столики под бдительным надзором строгого админа.

Из кафе я выхожу далеко за полночь. Полная луна, повисшая в небе серебряным диском, освещает мне путь. Даже фонарик включать не надо. Ночная прохлада и легкий морской ветерок освежают голову после трудного дня, поэтому я иду не спеша, в полной мере наслаждаясь прогулкой.

А потом и вовсе решаю остановиться.

Первым делом разуваюсь. Стелю на песок вязаную сумку, и усаживаюсь на нее так, чтобы волны омыва-

ли босые ноги. Кладу подбородок на колени и задумчиво смотрю на гладь воды, поблескивающую в лунном свете.

Интересно, почему Гром решил резко оборвать все связи? Почему ни разу не ответил на мои сообщения, хотя я столько раз писала ему. Спрашивала, как дела и как ему живется в новом городе?

Зазнался? Или между нами, по сути, никогда и не было настоящей дружбы?

А может, я вообще себе все придумала и он общался со мной только ради сестры? А когда в этом отпала необходимость — перестал?

— Привет, Веснушка.

До меня не сразу доходит, что мне не послышалось. Я несколько раз моргаю, приходя в себя, и лишь после оборачиваюсь.

Чтобы рассмотреть долговязого кудрявого парня, который сидел за десятым столиком и который так сильно был похож на моего друга детства, Олега Громова, приходится сильно задрать голову.

— Завтра град пойдет. Сам Гром объявился в нашей чихуановке, да еще и изъявил желание пообщаться, — флегматичным голосом констатирую я.

Парень неловко чешет макушку, улыбаясь той самой дурацкой улыбкой, которая меня всегда бесила, и присаживается рядом. Виновато пялится из-под модной кучерявой челки, отчего-то не торопясь заверять меня в том, что очень рад встрече и скучал.

Я нагло рассматриваю Грома в ответ. Его зеленые глаза в свете луны отливают ртутью и кажутся темными, но это всего лишь оптическая иллюзия — или игра моего творческого воображения, ведь я точно знаю, что они цвета мха.

— Прости, Ника, я идиот, — только и выдает он.

И это спустя столько лет!

— Тоже мне новость, — фыркаю я и отвожу взгляд.

Море сейчас интереснее, чем встреча со старым другом, который ни минуты не ценил нашу дружбу, как оказалось. А я достаточно себя уважаю, чтобы не купиться на этот трюк второй раз. Использовать меня в своих корыстных целях у него больше не получится.

Мы молчим. И это молчание, как и раньше, не напрягает. Что бесит, естественно. Комфорт — последнее, что я хочу испытывать рядом с зазнавшимся мажором после столь подлого поступка с его стороны.

Раздумья над тем, что завтра не хочется на работу и что пора уже начинать пробовать зарабатывать рисованием, помогают абстрагироваться и забыть о том, что мое уединение нарушено. Но Олег вдруг пихает меня плечом, отвлекая от мыслей и напоминая о своей наглой персоне.

— Как смотришь на то, чтобы завтра прийти на репетицию? Вспомним былые времена...

Я цокаю языком и хмурюсь.

— Пардон, но я на тебя слюнями не истекаю. Так что оставь эти приемчики для своих поклонниц.

— Так ты же бро. — Он снова пихает меня плечом. — Хочу поболтать. Столько всего произошло за два года. Да и, признаться, не ожидал увидеть тебя в кафешке. Значит, сама судьба велела.

Я отсаживаюсь чуть дальше, чтобы между нашими телами было хоть какое-то расстояние.

— Неинтересно, — лениво отмахиваюсь от его предложения.

— Однако ты до сих пор не ушла. Хотя с твоим характером уже бы давно послала.

— Мысленно — раз сто, — хмыкаю я.

— Заслужил, — признает парень. — Город меняет людей.

— Ага, если они изначально были гнилые, — парирую я, давая небольшое ностальгическое удовольствие, возникающее от нашего диалога.

Признаться, я по нему скучала. И сильно. Первый год его «предательства» дался мне очень тяжело. Со временем, конечно, смирилась. Вот только, судя по своей реакции сейчас, не до конца. И это нужно исправлять как можно скорее, ибо чревато. Я отходчивая, и некоторые люди не стесняются этим пользоваться.

— Ника...

— Ладно, мне пора. Завтра снова батрачить. — Поднимаюсь, отряхивая сумку от песка и тем самым показывая, что разговор завершен и дружеского воссоединения не будет. — Была рада повидаться. Желаю тебе хорошенько отдохнуть, набраться сил, а после торжественно вернуться в свой город и дальше обо мне не вспоминать.

Вообще-то, я не планировала говорить последнюю фразу. Все вышло как-то само собой. То ли меня гложет обида, то ли незакрытый гештальт, как это модно сейчас говорить... Но слова уже не вернешь обратно. Так что и жалеть не стоит.

— Ника, мне нужна помощь, — вдруг заявляет он поникшим голосом, и мое жалостливое сердце вынуждает остановиться и хотя бы дослушать до конца. Но уже после следующей фразы я жалею, что это сделала. — Мы с Лолой расстались, а я все никак не могу выбросить ее из головы.

— У вас больные отношения, давно пора прекратить всю эту историю с качельками, — зло припечатываю я. Угасшие некогда чувства вновь всплывают откуда-то из глубины души, но я безжалостно заталкиваю их обратно. И беру себя в руки, возвращая го-

лосу нейтральный тон. — У нее новый парень. Не советую влезать в их отношения. Это будет по меньшей мере некрасиво.

— Вот как... — тянет Олег и замолкает, уставившись вдаль.

Драма квин, твою налево! Еще бы, как в пятнадцать, воткнул наушники в уши и включил постхардкор, чтобы пострадать.

— Повзрослей уже, наконец. И научись принимать чужой выбор, сделанный без твоего согласия. Не только же тебе так можно поступать...

Я прикусываю язык.

Во мне говорит мстительная безжалостность, но сдерживать ее уже нет сил. Хочется ужалить его побольнее. Так же больно, как было мне, когда он в одностороннем порядке оборвал все связи и замолчал на несколько лет.

— Я все равно хочу вернуть ее, — упрямо заявляет друг детства и я ловлю себя на том, что хочу его пристукнуть чем-нибудь тяжелым.

Упрямый осел! Нравится жрать кактус, как небезызвестные мыши? Рэд флаг ему в руки и талончик на посещение психолога. А я — пас!

— Тогда желаю удачи, — саркастично отвечаю я и ухожу.

Точнее пытаюсь, потому что Олег меня быстро нагоняет и преграждает дорогу. Его глаза лихорадочно блестят, когда он вцепляется в мои предплечья.

— погоди, Веснушка. У меня в запасе есть один весомый аргумент, который убедит тебя помочь старому другу залечить сердечные раны.

Меня слегка напрягает тон Грома и эта безуминка во взгляде, но я не подаю вида. Да и всем моим вниманием уже в следующую секунду завладевает близость его тела и то, как сильно он вымахал.

Почти на две головы выше меня! Только эта кринжовая серьга в ухе портит все впечатление... И разве у него всегда была такая скуластая морда лица?

— Поверь, ничто не убедит меня согласиться на эту авантюру. — Демонстративно одним указательным пальчиком упираюсь в его накаченную грудь и давлю, жирно намекая, чтобы он отодвинулся и прекратил нарушать мое личное пространство.

Парень в ответ на мою фразу нехорошо так улыбается и меня внезапно посещает мысль, что человек-то мог за двагода очень сильно измениться. И скорей всего, в плохую сторону, а я тут даже не парюсь, оставшись с ним наедине.

— А как насчет...

— Отодвинься, — перебиваю его, изображая крайнюю степень недовольства.

Изображая, потому что предательское сердце никак не хочет умолкнуть, радостно трепыхаясь от долгожданной встречи.

— Не волнуйся, Веснушка, ты же не море. Да и когда тебя вообще волновала моя близость? — криво ухмыляется Гром и кладет руку мне на плечи, притягивая к себе, как какого-нибудь «братана».

Если бы ты только знал, Олег...

А вслух возмущаюсь:

— Эй! Да ты совсем обнаглел там в своем городе, что ли?

— Я был таким всегда.

— Что-то не припомню.

— Значит, плохая у тебя память, Веснушка.

— Прекрати меня так называть и отпусти, наконец! — Вырываюсь из его нежеланных объятий.

— Ладно, давай с козырей, раз не хочешь мириться по-хорошему.

Парень склоняет лохматую голову, и из его взгляда исчезает всякий намек на дурашливость. Я даже начинаю сомневаться, была ли она вовсе, или я сама себе все додумала.

— Знай, что я очень не хотел этого делать, но ты меня вынудила...

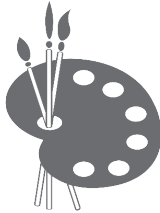
Я даже дышать перестаю на пару секунд, ожидая, что он скажет. Но нутром уже заранее чувствую — мне это не понравится.

Однако я и представить себе не могла масштабы того, насколько подлым и гадким стал Олег Громов.

— Короче, ты помогаешь мне вернуть Лолу, а взамен я обещаю, что Алла Сергеевна никогда не узнает, чем ее дочь занималась на выпускном...

Глава 2

Я беспокойно ворочаюсь в кровати, не в силах уснуть. Горло душат слезы обиды, и я ложусь на спину, чтобы хоть немного расправить тиски, сжимающие грудь.

Как он мог шантажировать меня такими грязными и постыдными вещами? Это точно больше не тот Гром, которого я знала.

Но... черт! Если кто-нибудь в нашем маленьком городке об этом узнает, пойдут ужасные слухи. Моей матери и без того было тяжело растить двух дочерей одной. Что про нее только не говорили тогда... И «нагуляла», и «влезла в чужую семью, а теперь пожинает плоды», и «так ей и надо». Не говоря уже о том, как ее называли за глаза.

Да... Люди в провинциальных городах ужасны.

Вот только, в отличие от Лолы, моей старшей сестры-близняшки, выбраться из нашей дыры мне так и не удалось. Мозгов не хватило, как однажды в сердцах бросила мама, увидев результаты тестов на зачисление в престижный институт.

Я не винила ее за те слова. Она всегда считала, что я занимаюсь ерундой. В чем я и сама убедилась, но много позже.

«Все эти порисовульки не помогут тебе заработать на жизнь! Не занимайся ерундой, а больше учи!» — чуть ли не каждый день повторяла мама, но я ее не слушала.

Однако все случилось так, как она и говорила.

Чтобы поступить в институт культуры и искусств, нужен был скилл повыше, чем рисование на уровне любителя. Для этого необходимо было ходить в художку, а лишних денег у нас никогда не водилось.

В итоге я пролетела по всем фронтам: не поступила туда, куда мечтала, и, по очевидным причинам, не покорила мажорский универ, как Лола. Поэтому роль умницы, красавицы и гордости семьи досталась моей близняшке.

Видимо, по праву первенства распределяются мозги, удача и красота. А младшим — по остатку.

К слову, с Громом было так же...

Несмотря на то что мы с Лолой близняшки, похожи не были никогда. Во-первых, разнойцевые, а во-вторых, характером полярные, как небо и земля. Как огонь и лед. Я — рыжая и синеглазая, с веснушками по всему телу. А она — блондинка (пусть и крашенная) с холодными голубыми глазами и чистой, белоснежной кожей.

Я всегда проигрывала на фоне утонченной, умной и слегка стервозной сестры. Поэтому, конечно, в старшей школе Олег заметил не меня, а ее. Я была влюблена в него по уши, а он или не знал об этом, или просто делал вид, что не знает, четко распределив границы нашей дружбы. Да и глядя на то, как сам Громов истекает слюной на мою сестру, я уже тогда понимала, что мне ничего не светит.

Но... однажды я все же совершила глупость. И теперь она мне аукнулась.

— Черт! — выпаливаю в сердцах, ударяя ладонью по матрасу.

Я что, перед рождением поставила все на везение и проиграла?

Стискиваю челюсть, чтобы не зареветь от жалости к себе. По-хорошему нужно идти спать, завтра, а точнее, уже сегодня, рабочая смена, и она будет не легче вчерашней. А если я еще и пореву перед этим, то можно спокойно вешаться. Или (что реальнее) увольняться.

Уснуть мне удалось лишь на рассвете. Кажется, что только моргнула, а противный будильник уже решил испортить и без того плохое начало дня. Нащупав телефон, не глядя вырубая его и поворачиваюсь на другой бок, чтобы доспать законные десять минут.

— Вероника! Ну как можно не слышать орущий будильник?

Я разлепляю один глаз, хватаю смарт с тумбочки и смотрю на время. И только потом на маму, стоящую в дверном проеме и недовольно поглядывающую в мою сторону.

— Черт! — вырывается у меня, в который раз за последние несколько часов.

— Проспала?

— Угу, — обреченно стону, пытаюсь стереть с глаз остатки сна.

Выходит хреново.

— Чайник еще горячий. Тосты с джемом на столе. Если совсем не успеваешь, возьми с собой, перекусишь на ходу. — Мама подходит ко мне, целует в макушку и вздыхает, словно смирившись с тем, что я никогда не буду, как моя сестра. Целеустремленной и пунктуальной. — Ладно, давай поднимайся. Только, пожалуйста, не разбуди сестру. Пусть как следует отдохнет на каникулах. Все, я побежала на работу.

Ее взгляд помогает проснуться окончательно.

Не стоило мне беречь старые раны ночью... Теперь запахать это чувство обратно будет сложно.

Натянув топ на тонких лямках, едва прикрывающий пупок, и короткие шорты, которые я обычно всегда ношу под юбкой униформы, подхожу к зеркалу. Оттуда на меня смотрит рыжее лохматое чудовище с курносом носом и слишком пухлыми губами. А еще глубокими синяками под глазами, отдающими чернотой в утреннем свете.

— Да уж, красавица, — шепчу своему отражению и иду в ванную.

Покончив с гигиеническими процедурами, хватаю со стола тост и на ходу отправляю его в рот. Активно работая челюстями, запиваю свой скромный завтрак водой, потому что времени делать чай у меня нет.

Уже на выходе из дома сталкиваюсь с Лолой. Недавно проснувшейся, судя по широкому зевку, но выглядящей так, словно она вышла из салона красоты. Учитывая, что на лице у нее ни грамма макияжа, на затылке — кривой пучок, и она просто умылась.

И нет, я не завидую.

Наверное...

— Не разбудила? — бросаю ей, спешно накидывая на плечи легкую кофточку, чтобы и без того конопатые плечи не сгорели.

— Да нет, — отмахивается сестра, опираясь плечом о стену, и скрещивает руки на груди. — Ни-и-ик... — тянет она многозначительно, и я поднимаю взгляд, отрываясь от шнурования кед. — Тебе не надоело работать за троих на этой неблагодарной работе и получать копейки?

Я растерянно замираю, потому что не ожидала подобного вопроса.

— Маме тяжело одной. А так хоть какие-то дополнительные деньги.

Я встаю, то и дело нажимая кнопку блокировки экрана и подглядывая на время. Но штраф уже влепят,

так что ничего страшного, если я приду на пять или десять минут позже.

— Почему спрашиваешь? — уточняю я, когда не слышу продолжения внезапно начавшегося разговора.

Лола поджимает губы. Так, будто не хотела говорить, но я сама вынудила ее произнести это вслух.

— Ты не думала вместо работы в кафе сесть за учебники и еще раз попытаться поступить в универ?

И без того плохое настроение становится совсем мрачным.

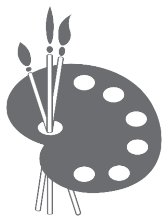
— Думаешь, мама потянет нас обеих? Ей и так тяжело оплачивать тебе съемную квартиру в городе. Она почти все до копейки отдает, чтобы еще и продуктами тебя обеспечить, лишь бы только училась и не подрабатывала.

Сестра округляет глаза, словно впервые обо всем этом слышит, а я намеренно, пусть и не напрямую, оскорбила ее. На красивом лице застывает обиженное выражение. В голубых глазах мелькает осуждение.

— Зачем ты так? Я ведь просто хотела, чтобы мы вместе отучились и потом обеспечили маме достойную старость, работая на престижной и высокооплачиваемой работе, — тихо говорит она и уходит на кухню, оставляя меня наедине с тем осадком, что остался после этого неуместного разговора.

Глава 3

В конце смены на телефон приходит сообщение с неизвестного номера. Но по тексту становится понятно, что это не кто иной, как Гром, решивший продолжить террор.

Хай, Веснушка! Сутки истекли! Молчание — знак согласия, ведь да? Я на базе, если чо. Не опаздывай. Нам нужно много чего обсудить. Да и тебе поспать после работы не мешает. Или сон для слабаков? ;) В общем, жду с нетерпением! Твой Г.

— и в конце кринжовый смайлик с поцелуйчиком.
Твой «Г.»...

Я бы написала ему в ответ, кто он на эту же букву, но не стану.

А, и пожрать чего захвати, мы с ребятами голодные... За бабки не парься, я тебе переведу с чаевыми, куда скажешь,

— приходит следом.

— Вот же ж! — вырывается вслух. — Бездельник! Сразу видно, что заняться нечем! Нормальные люди ночью спят!

Топать на «базу», как он выразился, да еще и после смены, по ощущениям подобно смерти. Но ничего не по-

пишешь... Он и так дал мне сутки на раздумья. Знал, гад, что соглашусь, выбора-то все равно нет, но решил поиграть в хорошего мальчика. Хотя на самом деле Гром никогда таким не являлся. Бэд бой — вот это про него.

Но... мало кто знает, что со «своими» он бывает милашкой. И когда-то я входила в этот близкий круг доверенных лиц. Жаль, компромата не насобираала за все время. Дурочка влюбленная. Было бы чем сейчас апеллировать.

До базы добираюсь за двадцать минут. Спускаюсь по лестнице в подвальное помещение и уже отсюда слышу, как гремит барабанная установка. Как невпопад лабают басист, а на фоне этого в разной играют ритм и соло-гитары.

Раньше мне здесь очень нравилось. Я любила проводить время с группой Грома. По ночам до дыр заслушивала песни, которые он сочинял. И не пропустила ни одной их репетиции.

А теперь испытываю дикое желание поскорее уйти отсюда.

В помещении накурено. Парни гогочут. Кругом валяются пустые бутылки из-под пива. На единственном протертом диване ютятся две незнакомые мне девчонки, на вид едва достигшие совершеннолетия, и с благоговением пялятся на главную «звезду» собравшегося здесь квартета.

Неужели когда-то я выглядела также?

Морщу нос в отвращении.

Какой кринж... И как мне раньше могло это все нравиться? Или я попросту не замечала подобные... «мелочи»?

— Веснушка! — слишком радостно выкрикивает Гром, едва завидев меня, застывшую в проходе. Убирает соло-гитару в сторону и в подвале становится одним отвратительным звуком меньше. — А ты вовремя! Зацени новую песню.